

«Архитектура – это моя жизнь»

Биографический очерк

«В начале жизни школу помню я»

Алексей Викторович Щусев появился на свет в Кишиневе 26 сентября 1873 года. Предки Щусева перебрались в Бессарабию из Малороссии в начале XIX века. Позднее зодчий писал: «У меня сохранилась бумага, где сказано, что предок мой, Константин Щусев, служил в войске Запорожском есаулом, из чего я заключаю, что происхожу от украинских казаков, то есть предки мои как бы сродни легендарному борцу за свободу Тарасу Бульбе».

Родился будущий архитектор в семье Марии Корнеевны (урожденной Зазулиной) и Виктора Петровича Щусевых. Отец, надворный советник, служил поначалу в земстве, затем — смотрителем богоугодных заведений (кишиневской земской больницы). В отставку он вышел накануне рождения третьего сына — Алексея. Это был исключительно порядочный и интеллигентный человек, совершенно непохожий на хрестоматийный образ смотрителя богоугодных заведений Земляники («человека толстого, но плута тонкого» по Гоголю), и живший лишь на своё жалованье. А потому, когда в семье возникали финансовые трудности, то в отсутствие иных источников дохода приходилось использовать, если можно так выразиться, внутренние резервы: сдавать в аренду дом, а самим переезжать в менее просторный близлежащий флигель, продавать землю с садом и тому подобное. Правда, семья жила дружно, и недостаток материального достатка компенсировался душевной теплотой, которой окружали родители своих детей. И потому в трех комнатах флигеля обретались в тесноте, но не в обиде.

Как и было принято, мать Щусева, Мария Корнеевна, не работая, всецело занималась воспитанием детей. Будучи более чем на два десятка лет моложе мужа, человеком она была начитанным и

хорошо образованным, знала несколько иностранных языков. Любовь к наукам и искусству прививала своим детям с первых лет их сознательной жизни. Мария Корнеевна хорошо рисовала, быть может, это ее увлечение и развилось впоследствии в дар, которым обладал ее сын Алексей. Ни галерей, ни музеев в Кишиневе в ту пору не водилось, однако, видя, что Алексей начинает заглядываться на репродукции Тициана и Рубенса, она не только не препятствовала этому, а даже старалась не отвлекать сына домашними делами.

Главную свою задачу родители видели в том, чтобы вывести своих детей в люди, дать им разностороннее образование. А это было не так-то просто в условиях отдаленности от столицы и провинциальности кишиневской жизни. Да и безденежье давало о себе знать. Дети взрослели, а пенсия Виктора Петровича не позволяла особенно шиковать. Так что забот в семье хватало. И надо отдать должное Алексею: пока старшие братья учились в гимназии, он старался по возможности помогать матери.

У Алексея Щусева была старшая сестра Мария (дочь отца от первого брака) и три брата — Сергей, Петр и Павел. Все они, благодаря родителям, получат высшее образование. Мария и Петр изберут для себя медицинскую профессию — сестра, окончив Высшие женские медицинские курсы в Санкт-Петербурге, станет земским врачом, а старший брат, выпускник Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге, отправится в Эфиопию с отрядом Красного Креста лечить местных жителей. Петр Викторович Щусев будет учиться у академика Ивана Петровича Павлова и работать с ним в Институте экспериментальной медицины. Он оставил значительный след в русской медицине, написав по итогам своей экспедиции на Дальний Восток в 1911 году научные труды по борьбе с чумой. Позднее Петр Щусев эмигрирует в США, где войдет в круг общения многих выдающихся людей, среди которых композитор Сергей Рахманинов и скульптор Сергей Коненков, создавший его портрет (ныне в Третьяковской галерее). Скончался Петр Щусев в 1934 году.

Другой брат, Сергей Викторович Щусев, окончив естественный факультет Одесского университета, сосредоточится на сельскохозяйственных науках, в качестве приват-доцента будет преподавать почвоведение в Московском университете. Со своими лекциями он объедет почти всю Российскую империю, выступая перед самой широкой аудиторией — студентами, крестьянами, посвятив себя изучению вопроса повышения плодородия почв. И наконец, ближе всех к Алексею Щусеву по своему профессиональному призванию окажется младший брат, Павел Викторович, который станет инженером-мостостроителем и членом-корреспондентом Академии архитектуры. Так скажется влияние старшего брата. Судьба подарит им удивительную возможность работать вместе, в том числе над восстановлением послевоенного Кишинева. А после смерти Алексея Викторовича, в 1953 году, выйдет фундаментальный труд Павла Щусева «Мосты и их архитектура». Для нас не менее важны и интереснейшие воспоминания Павла Викторовича о выдающемся брате-архитекторе.

Большая и дружная семья Щусевых проживала в Кишиневе в собственном доме на Леовской улице (ныне в здании — мемориальный дом-музей архитектора). В 1881 году Алексей Щусев поступает во 2-ю Кишиневскую мужскую гимназию. Уже в первом классе он проявляет неординарные способности к рисованию, выгодно отличаясь среди сверстников. Алексей усердно и заинтересованно занимается в изостудии при гимназии, удостоившись похвального листа. Был и еще один важный подарок — первые в его жизни краски, акварельные. Мальчик мечтал стать живописцем... А большой набор с красками ныне хранится в доме-музее.

Жизнь тем временем готовила семье тяжелые испытания. В феврале 1889 года почти день в день дети остались круглыми сиротами. Сначала от многочисленных хворей умер отец, Виктор Петрович, а затем, через сутки — мать, Мария Корнеевна, не пережившая кончины любимого супруга. Жизнь в доме Щусевых остановилась в один миг. Все, что занимало мысли пятнадцатилетнего

Алексея, его надежды на будущую, такую прекрасную жизнь, все это рухнуло в глубокую, зияющую свой пустотой пропасть отчаяния. Но он проявляет несвойственную обычно в таком возрасте стойкость и мужественность, ведь на его плечи ложится ответственность за младшего брата Павла. Алексей, не желая сидеть на шее у родственников, решает зарабатывать на жизнь репетиторством, подтягивая в учебе младших гимназистов.

Наконец в июне 1891 года Алексей Щусев оканчивает 2-ю Кишиневскую гимназию, получив возможность реализовать свою главную цель, которую он поставил перед собой еще в старших классах, — поступить в Императорскую Академию художеств. С аттестатом в кармане, небольшой суммой денег на первое время, Алексей отправился к своей мечте. Путь предстоял неблизкий — ехать в Петербург надо было через Киев и Москву, древние русские города, богатые памятниками русского зодчества...

«Никакие академии, никакие гениальные художники-учителя не в состоянии не только создать, но и правильно развить талант», — писал Илья Репин. Удивительный факт: поступая в Императорскую Академию художеств, Щусев еще не решил окончательно, кем хочет стать — художником или архитектором. Но эта неопределенность нисколько не смущала Алексея, увидевшего наконец Петербург, так манивший его с детских лет. На стенах его кишиневского дома висели многочисленные старые литографии с видами Северной Пальмиры. Более всего запомнилось ему изображение знаменитого Банковского моста с крылатыми львами — одним из символов города на Неве.

Впоследствии Щусев признавался одному из своих коллег, что на всю жизнь так и остался петербуржцем-ленинградцем, а в Москве чувствовал себя лишь гостем: «Щусев как-то сказал, что он считает себя ленинградцем, лишь временно выехавшим в Москву для того, чтобы строить Казанский вокзал. Он очень любил наш город (Ленинград. — A.~B.), любил Академию художеств, которая его воспитала, воспитала в нем архитектора и художника».

26 августа 1891 года Алексей Щусев стал студентом первого курса архитектурного отделения «особой трех знатнейших художеств академии», как выразился один из инициаторов ее создания граф Иван Шувалов. Восемнадцатилетний юноша из провинциального Кишинева попал не просто в высшее учебное заведение, а в храм трех искусств. За многие прошедшие со дня основания академии годы неусыпное императорское внимание превратило ее в главную художественную школу Российской империи, воспитавшую немало выдающихся учеников — живописцев, скульпторов и архитекторов. Здесь преподавали крупнейшие мастера.

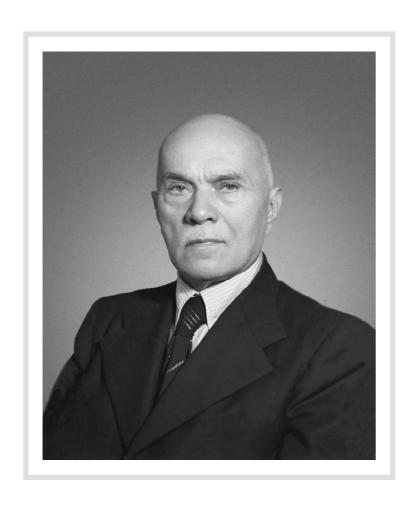
В академии Щусев попал в профессиональные руки, тем более что первоначально он не выбрал архитектуру своим главным призванием. Живопись привлекала его не меньше. Свою роль сыграло и частое посещение мастерской Архипа Ивановича Куинджи, привившего Щусеву любовь к рисунку. А Владимир Александрович Беклемишев, профессор и руководитель скульптурной мастерской академии, серьезно повлиял на профессиональный выбор Щусева. Он посоветовал Алексею ни в коем случае не отказываться от архитектуры, ссылаясь на то обстоятельство, что наделенный талантом зодчий сможет добиться успеха куда большего, нежели одаренный живописец.

Позднее Алексей Викторович отдавал должное своей альмаматер: «Академия по тому времени была первоклассной школой, которая могла бы соперничать с любой заграничной академией — Вены, Берлина или Парижа. Архитектурные детали классических сооружений были для нас, как для музыкантов гимны и этюды... Только после долгого изучения деталей, ордеров, пропорций студенты приступали к композиции. Архитектурный язык классики становился ясен и понятен до мелочей. В памяти откладывалось то, что считалось наиболее ценным. Вырабатывался свой вкус и чутье к грамоте пропорций, к изысканности линий, усложнялась сущность архитектурного ансамбля, связь отдельных частей, общая мысль здания, расценивалось значение каждой детали, каждого

штриха старых больших мастеров». Будущие архитекторы скрупулезно изучали классическое наследие. Вначале греко-дорический и тосканский ордера, а уж затем — римско-дорический, ионический и коринфский. Большое внимание уделялось изучению современной европейской архитектуры.

Окончательно выбрав будущую профессию, Щусев был определен в мастерскую к академику Леонтию Николаевичу Бенуа. Тот представлял многочисленную русско-французскую династию художников и архитекторов, оставивших неизгладимый след в российской культуре. От своего учителя Щусев перенял удивительную щепетильность и аккуратность в работе. Леонтий Бенуа содержал свой архив в образцовом порядке: его эскизы и проектные чертежи, как правило, имеют точную датировку, записи разного содержания (нередко дублирующие друг друга) обстоятельны, подробны.

Еще одним учителем Щусева стал профессор Григорий Иванович Котов, крупный реставратор и архитектор. С Котовым сложились теплые дружеские отношения. Как отмечал один из современников, у Щусева «была трогательная привязанность к своему учителю Г.И. Котову; когда он приезжал, он всегда останавливался у него. Можно было видеть, как они вместе бродили по улицам и набережным Ленинграда часами». Котов сыграет решающую роль в судьбе Щусева. Но Алексей Викторович чутко прислушивался не только к словам своих преподавателей и учителей, а также и к советам некоторых студентов-старшекурсников, среди которых особо выделялся Иван Жолтовский...

«Не творить не могу»

Столичные проекты

- **Марфо-Мариинская обитель** (Большая Ордынка, 34)
- **2** Казанский вокзал (Комсомольская площадь, 2)
- **3 Каланчевский путепровод** (Комсомольская площадь)
- 4 Центральный дом культуры железнодорожников (Комсомольская площадь, дом 4)
- **5 Мавзолей** (Красная площадь, 9)
- **б Дом Наркомзема** (Садовая-Спасская улица, 11/1)
- **7** Военно-политическая академия (Большая Садовая улица, 14)
- **в** Жилой дом артистов МХАТа (Брюсов переулок, 17)
- Э Жилой дом артистов Большого театра (Брюсов переулок, 7)
- **10** Гостиница «Москва» (Охотный ряд, дом 2)
- **11** Большой Москворецкий мост
- **«Щусевский» корпус Третьяковской галереи**(Лаврушинский переулок, 10)
- **Жилой дом архитекторов** (Ростовская набережная, 5)
- **Жилой дом Наркомата обороны** (Смоленская набережная, 12/31)
- **ТЕТРИТЕР** (Ленинский проспект, 13)
- **16 Административное здание** (Большая Лубянка, 2)
- 17 Станция метро «Комсомольская»

Марфо-Мариинская обитель

(Большая Ордынка, 34)

Проектирование Марфо-Мариинской обители стало первым масштабным проектом Алексея Щусева в Москве. Перешагнув свое 35-летие, Алексей Викторович наконец-то достиг того, чего желал. Обилие заказов позволило достичь главного — свободы творчества. Уже не он ходил по заказчикам, а к нему стояли в очередь. 1908 год стал этапным для Щусева. В ноябре его избрали действительным членом совета Академии художеств, руководившего творческой жизнью академии. Это было весьма почетно, поскольку совет состоял из шестидесяти пожизненных членов, выдающихся деятелей российского искусства. Заняв освободившееся место авторитетного реставратора Николая Владимировича Султанова, Щусев в совете академии посвятил себя проблемам охраны и реставрации памятников архитектуры.

Одновременно он работал над исполнением сразу нескольких крупных заказов, среди которых были храм Сергия Радонежского на Куликовом поле, Троицкий собор Почаевской лавры, Васильевский собор в Овруче и женская община при нем, храм Великомученицы Варвары в Михайловском Златоверхом монастыре, церковь в Натальевке, а еще проекты иконостаса, интерьера, колоколов и ограды Троицкого собора в Сумах и росписи интерьера собора Ново-Афонского монастыря. А сколько еще предстояло впереди...

У Щусева было уже трое детей, два сына, Петр и Михаил, и дочь Лидия. Старший сын хорошо рисовал, а одна из его работ была показана даже на выставке «Нового общества художников» и снискала успех, как когда-то рисунки кишиневского гимназиста Алеши

Щусева. Неудивительно, что большой объем работы негативно отразился на здоровье зодчего, осенью 1908 года заболевшего воспалением легких. На лечение он отправился в Италию, на уже знакомую ему Сицилию, где когда-то они с женой путешествовали. Здесь здоровье под влиянием благотворного средиземноморского климата пошло на поправку. Но даже вдали от родины его не оставляли мысли о творчестве. Он опять «заболел», но подругому — новым проектом. В 1908 году Щусев приступил к одной из самых главных работ своей жизни — проектированию Марфо-Мариинской обители в Москве.

Этому предшествовали весьма печальные, трагические события в истории России. Несмотря на то, что Щусев сторонился политики, она косвенно вовлекала его в свой водоворот. В феврале 1905 года в Кремле в результате покушения погиб великий князь Сергей Александрович Романов. К тому времени он уже как месяц перестал быть генерал-губернатором Первопрестольной, исполняя лишь обязанности командующего Московским военным округом. Это очень важное обстоятельство — убили не московского градоначальника, а одну из ключевых фигур императорского дома Романовых, имевших огромное влияние на своего племянника Николая II.

К смерти великого князя приговорили наиболее радикальные представители российской оппозиции в отместку за Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, когда мирная манифестация была расстреляна войсками петербургского гарнизона. Вскоре после взрыва на Сенатскую площадь приехала супруга князя, великая княгиня Елизавета Федоровна. «Встав на колени, она стала рыться в куче останков убитого князя, ощупывала руки, проводила по плечам, отыскивая голову», — так писала в те дни газета «Русское слово». Собравшиеся на месте взрыва случайные прохожие пытались взять на память кто кусок шинели убитого, а некоторые — даже фрагменты останков...

101

В Санкт-Петербург, где в соборе Петропавловской крепости последние сто лет хоронили Романовых, великого князя не повезли. Отпевали его 10 февраля 1905 года в Алексеевской церкви Чудова монастыря; служивший панихиду митрополит Владимир назвал покойного мучеником (мог ли он предполагать, что это лишь начало мученичества Романовых!). Николай II на прощание не приехал. Похоронили Сергея Александровича тут же — в храме-усыпальнице. И это очень символично — в Чудовом монастыре когда-то жил Гришка Отрепьев, а в 1612 году здесь умер в заточении священномученик Гермоген, патриарх и активный сторонник воцарения Романовых на российском престоле. Монастырь снесли большевики в 1930 году, уничтожив и храм-усыпальницу. Останки великого князя были найдены лишь в 1995 году при археологических раскопках в Кремле, оттуда они были перенесены в Новоспасский монастырь.

На месте гибели великого князя в апреле 1908 года установили памятный крест (автор В.М. Васнецов). А через десять лет крест был снесен по указанию Ленина. Сегодня крест воссоздан в Новоспасском монастыре. Смерть великого князя послужила жутким предзнаменованием такого близкого и скорого финала царствования Романовых. Ведь и жизнь-то его кончилась не в Санкт-Петербурге, а там, где за 300 лет до этого было положено начало высшей власти Романовых, в нескольких метрах от Успенского собора. Мрачной, зловещей тенью поминальный крест словно нависал над древним Кремлем, над усыпальницей первых царей династии Романовых в Архангельском соборе, указывая, что все возвращается на круги своя. Пройдет каких-то десять с лишним лет, и не только сам Николай II, но и его дочери, и сын, и жена, а также другие члены императорской семьи примут мученическую смерть.

Но кремлевский крест послужил не единственной формой увековечения памяти о великом князе. В память о своем убиенном супруге великая княгиня Елизавета Федоровна решила основать в Москве Марфо-Мариинскую обитель, что было чрезвычайно высоко

Ныне архитектурный комплекс Марфо-Мариинской обители наделен высоким статусом объекта культурного наследия народов Российской Федерации

расценено современниками как духовно-нравственный подвиг. Благотворительность и милосердие — две добродетели, которые сделали великую княгиню известной далеко за пределами России, ее скульптурное изображение установлено на фасаде Вестминстерского аббатства в Лондоне в ряду мучеников ХХ века.

Причем упоминается она там под своим российским титулом и именем, которые она обрела в 1884 году, сочетавшись браком с братом Александра III, великим князем Сергеем Александровичем. А до замужества дочь великого герцога Гессенского Людвига IV была известна как принцесса Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская. А ее младшая сестра — принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская — стала в 1894 году супругой Николая II. Последнюю российскую императрицу мы знаем как Александру Федоровну.

Интересно, что брат обеих принцесс Фридрих страдал так называемой королевской болезнью — гемофилией, унаследованной им от своей бабки, английской королевы Виктории. Этим же заболеванием страдал и наследник российского престола цесаревич Алексей Николаевич.

Попав в Россию, Гессен-Дармштадтская принцесса постепенно пришла к выводу, что самой судьбой ей предназначено вершить здесь благие дела. Российская империя в буквальном смысле стала для нее второй родиной. И если ее сестра-императрица говорила по-русски до конца жизни с акцентом, то Елизавета Федоровна освоила его как родной. Большое впечатление произвела на Елизавету Федоровну златоглавая Москва — город сорока сороков, множества храмов и монастырей. В 1891 году, когда ее муж стал генерал-губернатором Первопрестольной, протестантка Елизавета Федоровна искренне и всем сердцем приняла православие.

«Вполне русское, строжайше православное, типично народное...»

Религиозность была привита ей с детства и стала основной чертой ее характера в России, в Москве. Достаточно сказать, что после убийства мужа она не только простила его убийцу, но и ходатайствовала перед Николаем II о прощении Ивана Каляева, которого она посещала в тюрьме, подарив ему Евангелие.

Еще в 1892 году великая княгиня учредила в Москве и губернии Елизаветинское благотворительное общество. Это было великое и благое дело. Деятельность общества была направлена на помощь нуждающимся семьям и детям-сиротам. Как круги по воде, расходился по Москве пример великой княгини. Вот уже при церквях возникли во множестве Елизаветинские приходские благотворительные комитеты, открылись приюты и ясли. И кто знает, удалось бы обществу за четверть века своей работы (1892–1917) окружить заботой почти десять тысяч детей, если бы не частные пожертвования, служившие единственным источником его доходов. А пример жертвовательности демонстрировала обществу опять же великая княгиня.

Убийство супруга было огромным ударом для Елизаветы Федоровны. После постигшего ее горя она решила вести монашеский образ жизни, словно замаливая грехи не только за своего мужа (которого обвиняли в Кровавом воскресенье), но и за всех Романовых.

И тем не менее привыкшая к благим делам Елизаветы Федоровны Москва была вновь поражена, узнав о ее решении продать фамильные драгоценности и имущество для строительства новой обители. В 1907 году она купила участок земли с усадьбой на Большой Ордынке, где и должна была вырасти заново отстроенная обитель. Главными целями Марфо-Мариинской обители великая княгиня видела благотворительность и бескорыстную помощь тяжелобольным.

Интересно, что порекомендовал Щусева, как зодчего, способного воплотить в камне благие цели великой княгини, Михаил Нестеров, получивший ранее от нее предложение расписать будущий

храм обители. Художник рассказывал в 1907 году: «Еще во время выставки в Москве великая княгиня Елизавета Федоровна предложила... принять на себя роспись храма, который она намерена построить при "Общине", ею учреждаемой в Москве... Я рекомендовал ей архитектора — Щусева. Теперь его проект церкви и при ней аудитории-трапезной (прекрасный) утвержден; весной будет закладка... На "художество" ассигнована сравнительно сумма небольшая, а так как моя давнишняя мечта — оставить в Москве после себя что-нибудь цельное, то я, невзирая на "скромность ассигновки", дело принял... А приняв его, естественно и отдался этому делу всецело».

Перед Щусевым стояла увлекательная задача — учитывая заявленную заказчицей экономию средств, максимально использовать уже имеющиеся на территории старой замоскворецкой усадьбы постройки. Конечно, речь не шла о том, чтобы новый собор соответствовал сложившейся до него архитектурной среде (как в случае с Троицким собором Почаевской лавры). Здесь творческую свободу Щусева подобные условия не сковывали.

Для Марфо-Мариинской обители зодчий спроектировал собор с обширной трапезной, выполнявшей функции аудитории, а также массивную ограду и сторожку с часовней. Приговорив к сносу незначительные дворовые постройки старой усадьбы, Щусев тем не менее пожалел большую их часть, предложив использовать под больницу, амбулаторию, аптеку, приют для девочек, общежитие, столовую для бедных и больничный храм.

Проект новой московской обители очень понравился Елизавете Федоровне, а также и коллегам архитектора, что для Алексея Викторовича всегда имело не меньшее значение. «Щусев в Москве и ходит именинником: в Вене, на архитектурной выставке, он имеет огромный успех с Почаевской лаврой и великокняжеской московской церковью. Русский отдел иностранцы находят самым интересным и свежим», — свидетельствует М.В. Нестеров в письме А.А. Турыгину от 19 мая 1908 года.

А тем временем близилась закладка нового Покровского собора. «Весной (1908 года. — А. В.) предполагалась закладка храма, — рассказывал Нестеров. — Место для обители было куплено большое, десятины в полторы, с отличным старым садом, каких еще и до сих пор в Замоскворечье достаточно. Таким образом, мы с Щусевым призваны были осуществить мечту столько же нашу, как и великой княгини... Создание Обители и храма Покрова при ней производилось на ее личные средства. Овдовев, она решила посвятить себя делам милосердия. Она, как говорили, рассталась со всеми своими драгоценностями, на них задумала создать Обитель, обеспечить ее на вечные времена. Жила она более чем скромно.

Ввиду того, что при огромном замысле и таких же тратах на этот замысел великая княгиня не могла ассигновать особенно больших сумм на постройку храма, я должен был считаться с этим, сократив смету на роспись храма до минимума. В это время я был достаточно обеспечен и мог позволить себе это.

Смета была мною составлена очень небольшая, около 40 тысяч за шесть стенных композиций и 12 образов иконостаса, с легким орнаментом, раскинутым по стенам. В алтаре, в абсиде храма, предполагалось изобразить "Покров Богородицы", ниже его — "Литургию Ангелов". На пилонах по сторонам иконостаса — "Благовещение", на северной стене — "Христос с Марфой и Марией", на южной — "Воскресение Христово". На большой, пятнадцатиаршинной стене трапезной или аудитории — картину "Путь ко Христу".

В картине "Путь ко Христу" мне хотелось досказать то, что не сумел я передать в своей "Святой Руси". Та же толпа верующих, больше простых людей — мужчин, женщин, детей — идет, ищет пути ко спасению. Слева раненый, на костылях, солдат, его я поместил, памятуя полученное мною после моей выставки письмо от одного тенгинца из Ахалциха. Солдат писал мне, что снимок со "Святой Руси" есть у них в казармах, они смотрят на него и не видят в толпе солдата, а как часто он, русский солдат, отдавал свою жизнь за веру, за эту самую "Святую Русь". Фоном для толпы, ищущей прав-

ды, должен быть характерный русский пейзаж. Лучше весенний, когда в таком множестве народ по дорогам и весям шел, тянулся к монастырям, где искал себе помощи, разгадки своим сомнениям и где сотни лет находил их, или казалось ему, что он находил...

Иконостас я хотел написать в стиле образов новгородских. В орнамент должны были войти и березка, и елочка, и рябинка. В росписи храма мы не были солидарны со Щусевым. Я не намерен был стилизовать всю свою роспись по образцам псковских, новгородских церквей (иконостас был исключением), о чем и заявил вел. княгине. Она не пожелала насиловать мою художественную природу, дав мне полную свободу действий. Щусев подчинился этому. Перед отъездом из Москвы Щусев и я были приглашены в Ильинское, где жила тогда вел. княгиня. Там был учрежден комитет по постройке храма, в который вошли и мы с Алексеем Викторовичем».

Вот ведь как интересно — Щусев уже сам мог диктовать свою архитекторскую волю художнику, мог, но не стал. Насколько же вырос Алексей Викторович, и нравственно, и творчески. Действительно, «насиловать художественную природу», как выразился Нестеров, никак не входило в планы Щусева, поскольку он и сам, пережив подобное давление (взять хотя бы случай с Куликовским храмом и Олсуфьевыми), прекрасно понимал, что оно может причинить лишь вред.

Если с Нестеровым у Щусева и обозначились некоторые разногласия, то лишь творческие и на время. В этой связи Сергей Дурылин отмечал: «Михаил Васильевич был прав, когда писал: "К нам, ко мне и Щусеву, московское общество, как и пресса, отнеслось, за редким исключением, очень сочувственно. Хвалили нас и славили". Но противоположные отзывы были не совсем "редким исключением". Одну группу — художественную — составляли те, кто упрекал Нестерова за несоответствие его живописи с архитектурой Щусева: за то, что он не вошел за архитектором в стиль Новгорода и Пскова XII—XV веков, иначе сказать, за то, что он остался Нестеровым. В другой группе были люди, которые находили, что "Путь ко Христу", может быть, хорошая картина, но ей не место в храме,

Помимо художника Михаила Нестерова к созданию Марфо-Мариинской обители приложили свой талант выдающиеся мастера — иконописцы братья Александр и Павел Корины, а также скульптор Сергей Коненков. На первом плане — композиция «Путь к Христу» в Покровском соборе авторства Михаила Нестерова

а "Христос у Марфы и Марии", может быть, и хорош, но в католическом храме в Италии, а не на Большой Ордынке, в Замоскворечье».

Наконец, 22 мая 1908 года состоялась закладка соборного храма во имя Покрова Богородицы при Марфо-Мариинской обители. «При закладке присутствовали, кроме вел. княгини Елизаветы Федоровны, герцогиня Гессенская, наследная королевна греческая (сестра императора Вильгельма), королевич греческий Христофор. Было много приглашенных. Имена высочайших особ, митрополита и присутствующих епископов, а также мое и Щусева были выгравированы на серебряной доске, положенной при закладке фундамента... Мы со Щусевым ходили праздничными, а наши киевские мечтания о часовне были недалеки от действительности. Щусев в те дни был доволен и тем, что проекты его Почаевского собора и Московской великокняжеской церкви были замечены на Венской выставке....

Работы закипели. Щусев предполагал к осени вывести стены храма под кровлю... Работы по постройке обительского храма быстро подвигались вперед. Время до Рождества прошло быстро», — писал Нестеров.

Щусев не присутствовал на строительной площадке постоянно, бывая лишь наездами и присылая из Петербурга эскизы, качество которых производило большое впечатление на его помощников. «Прежде всего, мое внимание обратилось на своеобразное выполнение фасадов — они были сделаны от руки, без использования линейки. Все линии, как говорил А.В., были нарисованы... Почти всегда эскиз. Да и все дальнейшее было органично связано с "цветом", окраской. Вообще, декоративная и частично живописная сторона играла в творчестве А.В. немалую роль», — свидетельствовал А.М. Нечаев.

Помимо Нестерова к созданию Марфо-Мариинской обители приложили свой талант выдающиеся мастера — иконописцы братья Александр и Павел Корины, а также скульптор Сергей Коненков. Творческое сотрудничество Щусева с ними будет долгим и продуктивным и перейдет в дружбу. Павлу Корину предстоит работать над оформлением последней работы зодчего — станции метро «Комсомольская», а Сергей Коненков создаст барельеф с портретом Щусева на его могиле на Новодевичьем кладбище.

Когда 8 апреля 1912 года состоялось торжественное освящение Марфо-Мариинской обители, стало ясно, как отметил Нестеров, что это создание Щусева есть лучшее, что сделано по храмовой архитектуре в Новейшее время. И в тот день, и сегодня, спустя столетие, это блестящее произведение Щусева восхищает современников, особенно Покровский собор. Искусствовед Д.В. Кейпен-Вардиц отмечал: «Избранный архитектором масштаб архитектурных форм делает собор монументальным, как и пристало монастырскому собору, но при этом он остается сомасштабен человеку, не подавляя его своим величием на столь небольшом участке... Очевидно, при создании храма автор перемешивал впечатления от целого ряда памятников разных эпох, создавая характерно свое, весьма далекое от простого подражания или хотя бы точного цитирования отдельных частей и деталей...

Собор построен из кирпича (стены) и современного материала — железобетона (перекрытия), любимого зодчими того времени за его пластичность и техническую способность воплощать тягучие и текучие линии и формы, характерные для модерна, но, подобно новгородско-псковским памятникам, отштукатурен и обмазан побелкой. Щусев, архитектор эпохи модерна, "лепит" здание из архитектурного "теста", иногда будто бы орудуя ножом, оставляя широкие ровные срезы или "прокалывая" в якобы случайном порядке несколько окошек в фасаде южного придела... К приметам авторского почерка Щусева можно отнести сочетание пластической массы объемов и графически прорисованных деталей, намеренную архаизацию форм, использование архитектурных форм и деталей разного времени для создания иллюзии "патины веков" и сочинения искусственной строительной истории...

В этой постройке Щусев значительно уходит от конкретных прототипов, собирая на основе многих впечатлений... нечто новое и не имеющее аналогов, как не имела аналогов и принадлежавшая великой княгине идея создания обители, насельницы которой соединяли в своем сестринском служении служение Марфы и Марии... Строительство Покровского храма ознаменовало собой расцвет в творчестве мастера и постепенно создало моду на него».

Марфо-Мариинская обитель стала лучшим свидетельством о благих делах Елизаветы Федоровны. Обитель не только украсила Москву, послужив символом и примером благотворительности для всей остальной России, но и утвердила новый, совершенно невиданный доселе архитектурный стиль, к которому можно отнести те же розановские слова: «Вполне русское, строжайше православное, типично народное».

А Игорь Грабарь сказал: «Навеянная воспоминаниями о Пскове, эта постройка производит впечатление вдохновенного сонета, сложенного поэтом-зодчим его любимому Пскову. Она также не простое повторение или подражание, а чисто щусевское создание, выполненное с изумительным чувством такта и тончайшим вкусом».

Создав «Марфу», Щусев будто поднялся на высшую ступень в церковном зодчестве, оказавшись на которой архитектор смог остановиться и оглядеться, но не по сторонам, а сверху вниз. Да, эта работа поставила его на голову выше не только сверстников, когда-то учившихся вместе с ним в Академии художеств, но и многих учителей. Рядом-то с Щусевым никого не было, многие остались позади в этом творческом соревновании и догнать его не имели сил ни моральных, ни физических!

Даже знаменитый Федор Шехтель, влюбивший в себя завалившую его заказами сытую Москву, признал первенство Щусева, назвав обитель на Ордынке «удивительной». Уже одно это слово нещедрого на похвалы создателя Ярославского вокзала — «феномена русского модерна» — значило ох как много! Шехтель когда-то сам ходил в подмастерьях у именитых московских зодчих, причем не имея законченного профессионального образования (из Училища живописи, ваяния и зодчества его отчислили за непосещаемость). Но затем довольно споро пошел в гору. В 1891 году, когда Щусев стал студентом Академии художеств, Шехтель уже вовсю проектировал, в том числе и для Москвы, став самым популярным зодчим Первопрестольной. Для кого он только не работал — сделать ему заказ считали большой честью Рябушинские, Морозовы, Кузнецовы, Солодовниковы, Лианозовы... Почти за четверть века Шехтель сумел выстроить свою, особую Москву. И вот теперь на московском горизонте возникла мощная фигура молодого и амбициозного Щусева, с которым Шехтелю придется не раз пересечься в творческих конкурсах на проект Казанского вокзала и мавзолея...

В утвержденном Святейшим синодом в 1914 году уставе Марфо-Мариинской обители милосердия (таково было официальное

название) говорилось, что она «имеет целью трудом сестер Обители милосердия и иными возможными способами помогать в духе православной Христовой Церкви больным и бедным и оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби», а «первой Настоятельницей Обители милосердия состоит пожизненно Учредительница Обители милосердия Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Федоровна». Мы же добавим сестры обители (православные вдовы и девицы до сорока лет) называли настоятельницу не иначе как Великой матушкой.

Трудно перечислить все сделанное сестрами милосердия для людей, нуждающихся в призрении и поддержке. Помощь в Марфо-Мариинской обители милосердия оказывалась всем, кто ее просил. Устроить в больницу — пожалуйста (в обители, кстати, была и своя лечебница), а еще и бесплатные лекарства, еда, одежда, да и просто кров. В специальный ящик, установленный в обители, в иной год опускали более десяти тысяч прошений! Но кроме помощи материальной здесь занимались духовным врачеванием и просветительством, что было не менее важным.

Как-то зимой 1917 года духовник Марфо-Мариинской обители отец Митрофан (Сребрянский) поделился с Великой матушкой содержанием своего сна. Дескать, приснились ему и горящая церковь, и портрет ее сестры Александры Федоровны в траурной рамке, и архангел Михаил с огненным мечом. Толкование матушки было таким: «Вы видели, батюшка, сон, а я вам расскажу его значение. В ближайшее время наступят события, от которых сильно пострадает наша Русская Церковь».

Пророческими оказались эти слова: пострадала не только церковь, но и вся династия Романовых. Эмигрировать Елизавета Федоровна отказалась. В 1918 году великую княгиню арестовали, под конвоем повезли в Екатеринбург, где тогда находилась вся царская семья. А 18 июля 1918 года Великую матушку жестоко убили, живьем сбросив в шахту под Алапаевском. Смерть она приняла вместе с другими членами императорской семьи Романовых.

Итогом жизни яркой представительницы династии Романовых, великой княгини Елизаветы Федоровны могут служить следующие слова выдающегося русского философа Василия Розанова: «Учреждение прямо великое! С этими религиозными оттенками и в этой сказывающейся с первого шага широте замысла — это совершенно ново на Руси! Что-то вроде духовного братства, филантропического рыцарства, что-то наподобие католических "орденов" или "армии спасения"; но именно — только "наподобие" и, в сущности, даже без всякого "подобия". Мы употребили эти разные, пришедшие на ум имена, чтобы охватить разнообразную суть нового учреждения, — но вполне русского, строжайше православного, типично народного. Учреждения, которого давным-давно ожидает русский народ!.. Таким образом, с чисто церковной точки зрения, с точки зрения успехов церкви в народе и обществе и, наконец, скажем полнее и смелее, спасения православия — начинание великой княгини Елизаветы Феодоровны несет такие обещания, каких поистине никто еще церкви не приносил пока».

А Щусеву в будущем придется защищать свое детище от уничтожения — большевики захотят стереть с лица земли это московское «чудо света». Но сначала они исключат обитель из отнесенных к охране памятников архитектуры. После Октябрьского переворота здесь будет создана Марфо-Мариинская трудовая община, позднее преобразованная в Марфо-Мариинскую артель сестер милосердия. Богослужения в обители богоборческие власти попытаются запретить, а в 1925 году и вовсе ее ликвидируют. А сестер милосердия за «укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям» вышлют за сто первый километр.

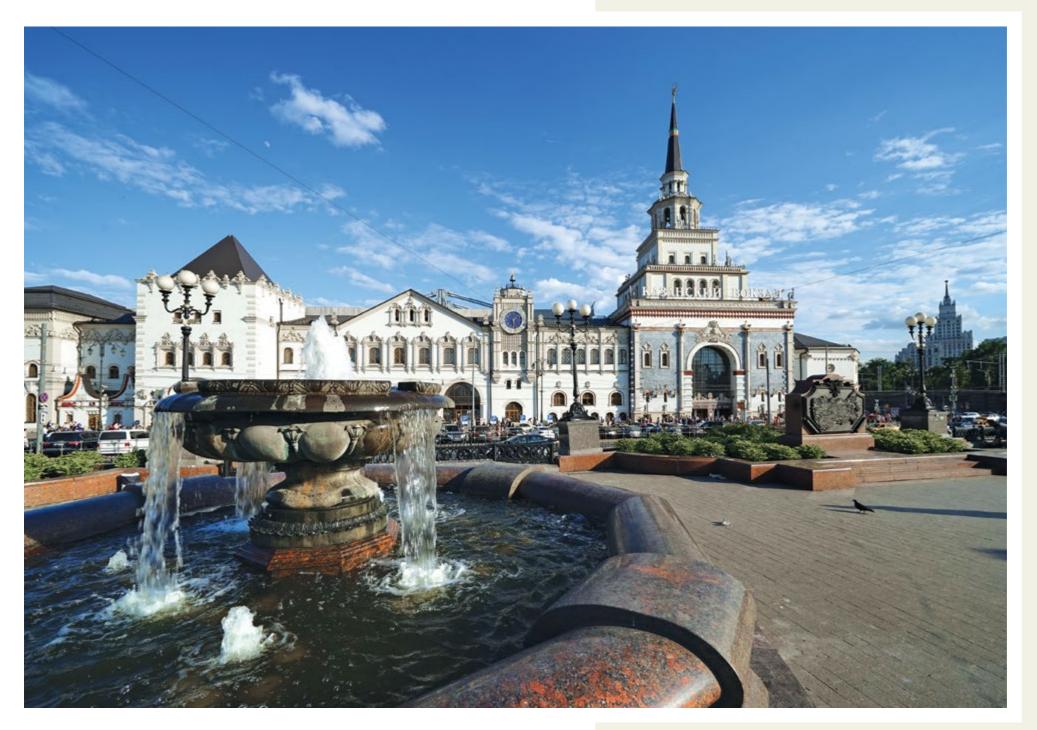
Все церковные ценности конфискуют, а в Покровском храме вандалы устроят клуб «Санпросвет» со статуей Иосифа Сталина внутри, превратившегося в живого Бога на Земле. Искореняя православную веру, советская власть попытается уничтожить и всякую память о благих делах обители. В бывшем алтаре разместится красный уголок с портретом Ленина. Здесь будут крутить кино и проводить занятия политпросвета.

Остановит вакханалию окончание Великой Отечественной войны — непомерные потери и необходимость восстановления произведений искусства вынудят Совнарком СССР принять решение об организации Центральной художественно-реставрационной мастерской (ее ликвидировали еще в 1934 году) под руководством Игоря Грабаря. Под мастерскую освободят оскверненную территорию обители. В бывшей перестроенной часовне обители будет проходная. Постепенно начинается реставрация.

Лишь в 1992 году (когда обитель передали церкви) здесь возобновились богослужения, в частности в храме святых Марии и Марфы, что был освящен в бывшем лазарете. Постепенно стал «оживать» и Покровский собор. На территории обители открыли памятник Елизавете Федоровне (скульптор Вячеслав Клыков) и памятный крест алапаевским мученикам.

Длительная и бережная реставрация позволила не только вернуть Марфо-Мариинской обители облик, созданный когда-то трудами Щусева, Нестерова, Корина, Коненкова, но и вдохнуть в него новую жизнь. Сегодня это истинный оазис посреди задыхающейся в пробках Москвы — много зелени, цветники, кусты роз, сирени. Все это очень гармонично дополняет удивительную атмосферу обители, по-прежнему осуществляющую обширную благотворительную деятельность.

Что же касается открытий, сопутствующих, как правило, реставрационным работам, то недавно была сделана поразительная находка. Сотрудники Музея архитектуры имени Щусева установили авторство прежде не атрибутированного эскиза с изображением Спаса Нерукотворного. В правом нижнем углу после расчистки обнаружилась монограмма «М. Н.». Так подписывал свои работы Михаил Нестеров. По мнению искусствоведов, полотно было написано художником в период работы над Покровским собором Марфо-Мариинской обители, а икона «Спас Нерукотворный» должна была сыграть роль композиционного центра собора. Икону собрали из мозаики в Санкт-Петербурге и установили на фасаде собора в 1912 году, где мы ее сегодня и видим.

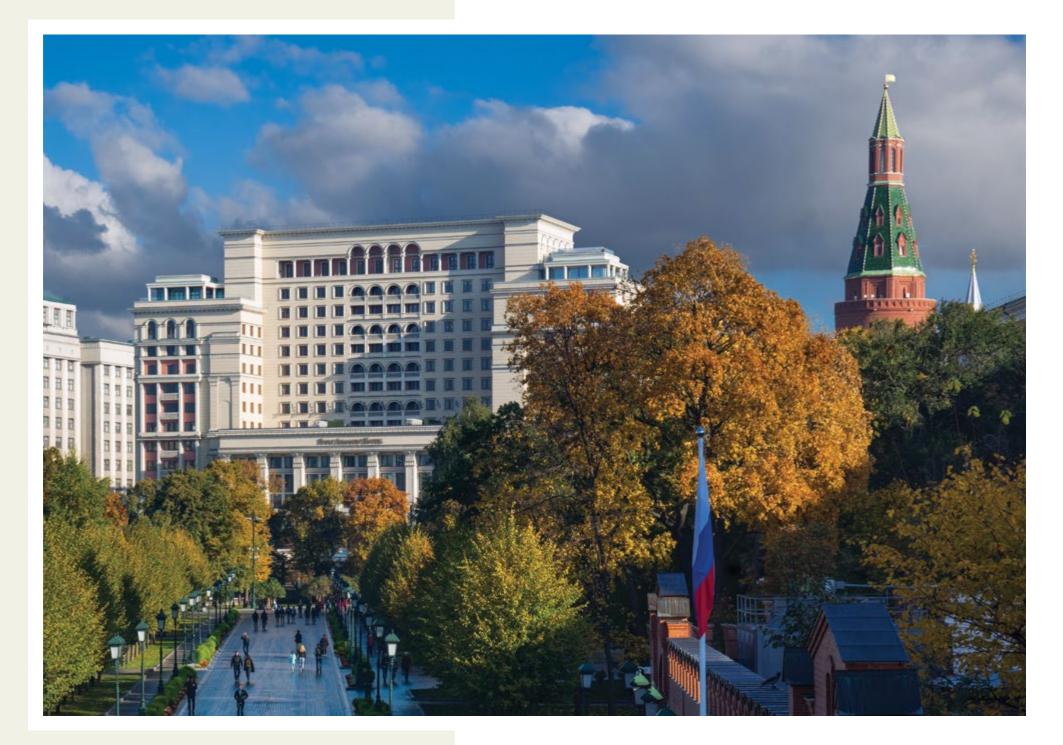
Казанский вокзал (Комсомольская площадь, 2)

Мавзолей (*Красная площадь, 9*)

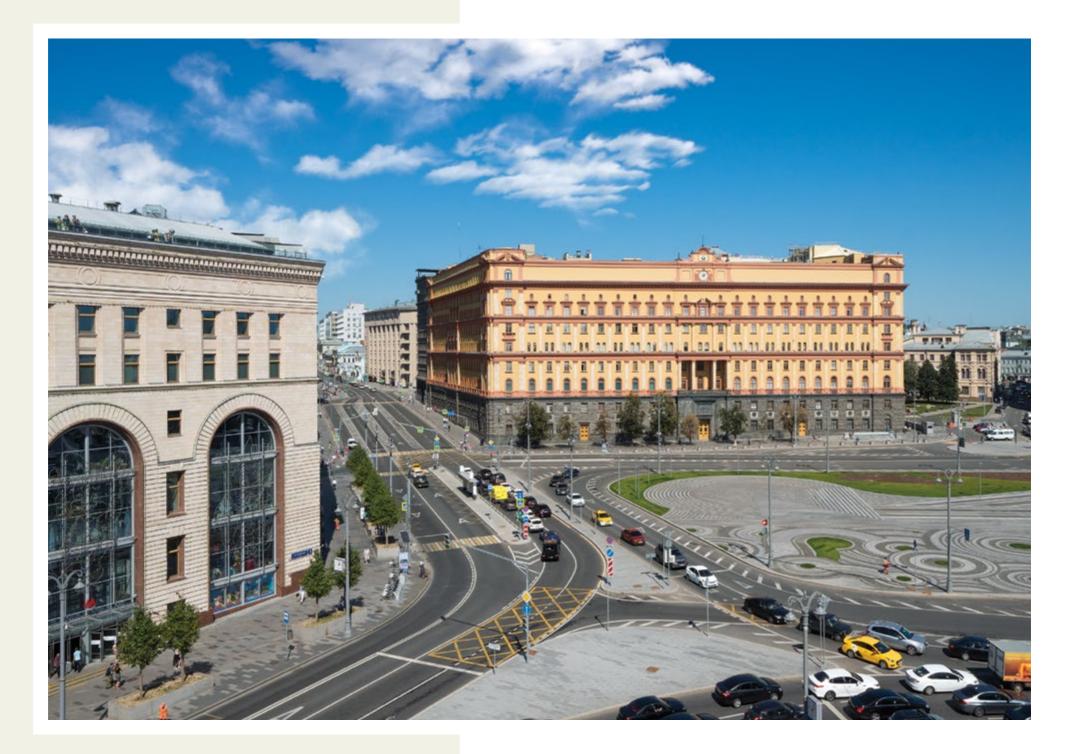
Дом Наркомзема (Садовая-Спасская улица, 11/1)

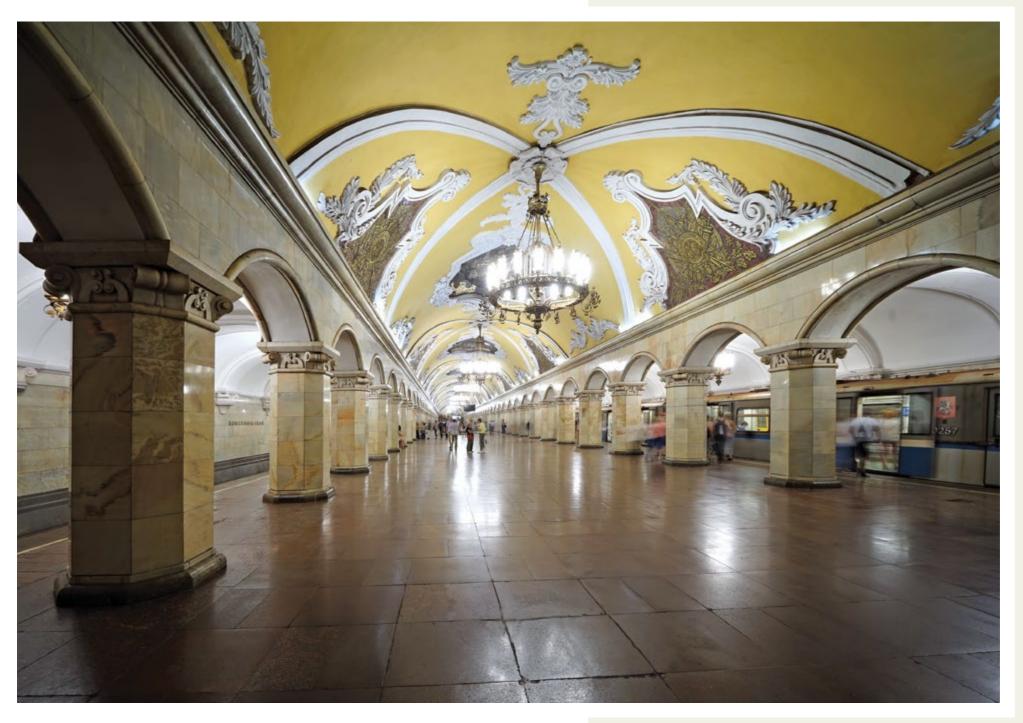
Гостиница «Москва» (*Охотный ряд, 2*)

«Щусевский» корпус Третьяковской галереи (Лаврушинский переулок, 10)

Административное здание (*Большая Лубянка, 2*)

Станция метро «Комсомольскаякольцевая»